

Он говорил, что во сне ему доводилось приютить серого кролика, а спустя много лет этот кролик стал великим полководцем и столпом Государства Юй. Помня доброту Цзи Чаоаня, проявившего к нему заботу в детстве, он одарил его тысячей цзиней доброй земли, десятью тысячами лянов серебра, роскошными палатами да прекрасными особняками, а также тысячами слуг. Впоследствии, находясь под покровительством великого полководца Гао Хуая, он окружил себя толпой очаровательных жен и наложниц, а также почтительных сыновей и мудрых внуков, которые во всём ему угождали, и дожил до трехсот с лишним лет, счастливо умерев своей смертью.

Цзи Чаоань со вздохом подумал: Маленькое Деревце Хуай, Маленькое Деревце Хуай, пусть я и не знаю, правдой ли был тот сон, но о тебе-то я действительно заботился. Если в будущем ты и впрямь станешь великим полководцем, не забывай одарить меня землей и серебром, да хорошим домом. И пусть тысяча цзиней земли и десять тысяч лянов серебра — это чересчур, пять сотен цзиней тоже сойдут.

Неизвестно, насколько Маленькое Деревце Хуай поверил в это, но Цзи Чаоань сочинил всё так убедительно, что едва сам не поверил.

Если в будущем всё так и обернется, будет совсем неплохо.

Однако сейчас самой неотложной задачей... Цзи Чаоань с хмурым видом посмотрел на стопки масляной бумаги и сотни с лишним книжных томов, разложенных для просушки на синих кирпичках пола, и тяжело вздохнул. Перво-наперво ему требовалось найти несколько надежных людей для помощи с повседневными хлопотами.

Сяо Мань хоть и был предан, но из-за своей простодушной и беззаботной натуры легко поддавался на уговоры, так что его еще предстояло обучить.

Сун Линь... для него найдется другое применение.

Озабоченный своими мыслями, он отнес Маленькое Деревце Хуай обратно в дом, пересек два двора и вышел в лавку со словами: Сегодня давайте закроем магазин пораньше, вернетесь домой и как следует отдохнете после пережитого.

Сун Линь, разумеется, возражать не стал, а вот Сяо Мань огорченно протянул: Хозяин, так дело не пойдет. Нельзя же закрывать лавку, когда вздумается, по собственному капризу. К тому же из-за того хулигана, что устроил здесь переполох, сегодня не заглянул ни единый покупатель. Как же быть с убытками...

Цзи Чаоань улыбнулся: Лиха беда начало, со временем всё наладится. На сегодня давайте расходиться.

Раз хозяин отдал распоряжение, оба работника послушно прибрались и навели порядок в лавке, после чего распрощались и ушли.

Тогда Цзи Чаоань запер парадную дверь и вернулся к своим покупкам: купленным по акции овощам бессмертных — двенадцать цзиней по цене десяти — и паре бессмертных морковок, в придачу к которым третья невестка преподнесла еще две.

К ужину Цзи Чаоань сидел за большим круглым столом в столовой и неторопливо похлебывал рыбную кашу. Серый кролик примостился на другом конце стола, вздыбив шерсть по всему телу и яростно уставившись на три маленькие белые фарфоровые чашечки перед ним.

В первой лежала мелко нарезанная сырая морковь;

во второй — тушеные кусочки моркови с овощами бессмертных, среди которых сиротливо затерялось всего два-три крошечных кусочка моллюска;

в третьей — нашинкованная сырая морковь.

Заметив, что большую часть ложки в каше Цзи Чаоаня составляют овощи бессмертных, Маленькое Деревце Хуай залилось еще более пронзительным визгом: Цинь!!

Однако он уже усвоил урок: как бы ни бушевал гнев в его душе, он не смел опрокинуть чашку и броситься вперед — за опрокинутую посуду полагалось трое суток ареста в клетке, где кормили одной лишь капустой да редькой.

Цзи Чаоань ласково улыбнулся: Я держу свое слово — вся морковь твоя. И между прочим, это духовные овощи стоимостью в десять лянов за штуку. Если ты растратишь хоть капелючку впустую, я свяжу тебя, насильно запихну всё в рот, да еще и палочками протолкну в глотку.

Уши Маленького Деревца Хуай опали, и он осторожно выковырял из тушеной моркови сперва кусочки моллюска и с аппетитом съел их.

Сун Линь жил в соседнем с Переулком Хуайшу квартале Ецзыли. Распрощавшись с Сяо Манем, он направился не домой, а нанял груженую телегу и поехал в небольшой постоялый двор в переулке Байян.

Служка при его виде тотчас расплылся в улыбке: Добро пожаловать, уважаемый гость! Желаете перекусить или остановиться на ночлег?

Сун Линь сказал: Мой друг уже забронировал комнату, номер шесть в ряду Бин.

Взгляд трактирного служки чуть сузился, но он по-прежнему улыбался: О, знаю, знаю. Прошу за мной, господин, будьте осторожны, под ноги смотрите.

Сун Линь поднялся наверх, подошел к двери комнаты номер шесть в ряду Бин, тихонько

постучал и, получив разрешение, с опущенной головой и полным почтением вошел внутрь.

Его тут же обдал прохладный аромат, словно он внезапно очутился в горной долине, где пестрят цветы, щебечут горные птицы и журчат ручьи, отчего на душе и в теле мгновенно воцарилась легчайшая свежесть.

Совершенно не похожая на убогий постоялый двор, эта комната была застелена мягкими и толстыми коврами, мебель отличалась изысканностью, а вход во внутренние покои загораживала занавесь, нанизанная из бесчисленных хрустальных бусин, похожих на капли воды.

По обе стороны от занавеси стояли вооруженные саблями стражи в синих халатах.

Сун Линь послушно остановился перед занавесью, сложил руки в поклоне и произвел приветствие: Приветствую господина.

Из-за занавеси донесся ленивый голос юноши: Чего это ты пришел раньше времени?

Сун Линь ответил: Хозяин предавался лени и закрыл лавку раньше обычного, поэтому я сразу же пришел сюда.

Юноша осведомился: О? И как всё прошло?

Сун Линь доложил: Устроивший беспорядок, судя по всему, чей-то родственник из книготорговцев. Получив немного серебра отступного, он ушел. Хозяин затаил обиду и отправился жаловаться старосте улицы. Вернувшись, он прикупил немало вещей, их доставила грузовая телега из зала Цюнсан.

Юноша спросил: Что именно купил? Были ли там принадлежности для выращивания духовных зверей?

Сун Линь нерешительно ответил: Все товары были завернуты в масляную бумагу... Я... я не смог разглядеть.

Юноша презрительно цыкнул: Ничтожество.

Сун Линь с виноватым видом опустил голову.

Сделав глоток чая, юноша промолвил: Ладно, ты ведь устроился туда всего несколько дней назад, и вполне естественно, что он относится к тебе с подозрением. Что ты думаешь об этом мальчишке?

Сун Линь немного подумал и произнес: Беспечен и своенравен, для серьезных дел не годится.

Юноша за занавесью легко рассмеялся, и в его тоне звучало сплошное пренебрежение: О? И такого вот сопляка двоюродный брат счел нужным приказывать кому-то выслеживать?

Сун Линь почтительно молчал, не вступая в разговор.

Юноша велел: Ступай. Раз уж двоюродный брат говорит, что от тебя есть толк, я пока позволю тебе остаться, но выполняй поручения с умом.

Сун Линь слегка поклонился и сказал: Господин, я глуп и недогадлив, но у меня есть один вопрос, в коем я хотел бы попросить вашего совета.

Хотя юноша и выказал нетерпение, но, словно получив кому-то данный знак, сдержался и бросил: Говори.

Сун Линь спросил: Почему... почему господин запретил мне обращаться к стражникам за помощью в спасении людей?

Юноша рявкнул: Дерзко! Разве это то, о чем тебе дозволено спрашивать? Вон!

Сун Линь поспешно поклонился и вышел. Глядя на неприметную серую деревянную дверь, он едва слышно вздохнул, покинул постоянный двор и отправился домой.

Следующие несколько дней Цзи Чаоань не выходил из дома: сначала он составил списки тех, кого предстояло разыскать, подсчитал наличные средства и предполагаемые расходы, и, придя к выводу, что доходы далеко не покрывают убытков, отнес дарованные императором жемчужину и руфь в зал Цюнсан. Он попросил лавочника помочь подобрать подходящий торговый дом для их комиссионной продажи.

Жемчужина была наполовину сточена и разгрызена Маленьким Деревцем Хуай, осталась лишь половина. Когда Цзи Чаоань забирал ее, серый кролик отчаянно завизжал, но Цзи Чаоань водворил его в клетку со словами: Нужно вести хозяйство бережно и экономно. Жемчуг превратится в деньги, на которые мы купим тебе вкусняшки, а для зубов тебе хватит и ракушек — я все их для тебя сберег.

Серый кролик хлопал глазами, мало что понимая, но зная наверняка, что решения Цзи Чаоаня не изменить, а потому вынужденно и с обиженным видом уступил. В глубине души он рисовал себе прекрасные картины: когда он станет великим полководцем и столпом государства, то заполнит жемчугом целые склады, а мясо духовных зверей сложит в другие амбары — будет есть сколько душе угодно. Вдобавок он запретит продажу моркови по всей стране, дабы эта омерзительная овощная культура исчезла раз и навсегда.

Пока Маленькое Деревце Хуай предавался сладким грезам во сне, Цзи Чаоань продолжал трудиться.

Просушив отсыревшие книги, он перелистал каждую из них страницу за страницей и лишь затем убрал в хранилище. Помогавший ему с переноской Сяо Мань поначалу недоумевал: Все эти книги были тщательно проверены перед покупкой, неужто в них снова обнаружилось что-то неладное?

Цзи Чаоань ответил: Я не до конца уверен, лучше проверю еще раз. Труда невелика цена.

Сяо Мань тут же восторженно засиял глазами: Хозяин просмотрел столько книг в мгновение ока, словно схватывая всё на лету! Он истинный вундеркунд, с которым не сравнится даже первый ученик академии Сюанькун!

Цзи Чаоань горько усмехнулся и покачал головой. В прошлых жизнях, попав в Резиденцию графа Чэнъи, он в тамошней клановой школе наслушался насмешек и натерпелся унижений. Даже школьные наставники презирали его за низкое происхождение и за то, что ему предстояло выйти замуж. Они не ждали от него никаких успехов во славу рода Цзи, считая, что ему достаточно научиться грамоте, понимать деловые письма да вести домашнюю бухгалтерию, и обиняками выпроваживали его заниматься вместе с женщинами.

Сжав зубы, Цзи Чаоань упорно грыз гранит науки по ночам, привязывая волосы к балке, и месяц за месяцем сдавал экзамены лучше всех в школе, доводя Цзи Чаонинга и его сообщников до белого каления.

Откуда было взяться врожденным гениям? То были лишь спрятанные чужие слезы и кровь.

И вот теперь случайная повторная проверка книг принесла свои плоды: Цзи Чаоань действительно нашел изъян.

Он отобрал пятнадцать подозрительных томов и отложил их в сторону, отчего лицо Сяо Маня тут же сделалось тревожным: Ч-что такое? Они все...?!

Цзи Чаоань с невозмутимым видом улыбнулся: Ничего страшного, я отобрал несколько книг для собственного чтения. После осенних экзаменов академия Чжаоян снова откроет двери, надо будет попытать счастья.

Сяо Мань безоговорочно верил каждому его слову, на его лице тотчас отразилось глубочайшее благоговение.

Прижав книги к груди и вернувшись в комнату, Цзи Чаоань вмиг ожесточил взгляд.

Эти книги происходили из трех разных лавок. Стоило выставить их на продажу и попасться с

поличным, как на его голову обрушилось бы чудовищное обвинение. Поскольку его отец ранее тайно печатал запрещенные трактаты, а теперь сын продает еретическую литературу, это квалифицировалось бы как рецидив, и книжную лавку пришлось бы закрыть навсегда.

На следующий день Цзи Чаоань уложил тома в узелок, закинул за спину и вышел из дома.

В западной части Лоцзина, в тупике глухого переулочка посреди бамбуковой рощи, на воротах обветшалого двора висела качающаяся надломленная деревянная доска с четырьмя вырезанными на ней иероглифами: Пишу письма на заказ.

Во дворе и за его пределами резвились детишки в лохмотьях. Пройдя через два внутренних двора, в заросшем сорной травой саду можно было обнаружить беседку с обветшалой пожелтевшей бамбуковой кушеткой, на которой развалился опустившийся ученый.

Сутулый, смугловатый, покрытый щетиной, в мятом желтовато-буrom халате, сидевшем на нем так свободно, будто тот висел на сухой ветке, он полуоткрыл рот и издавал оглушительный храп. На каменном столе в центре беседки царил кавардак: опрокинутые кувшины из-под вина валялись в беспорядке, все они были пусты.

Седовласый старый слуга в сером грубом одеянии вошел в беседку и, зажав нос и рот рукой, принялся толкать ученого, приговаривая: Молодой господин, гости пожаловали.

Ученый резко проснулся, рукавом вытер слюну с уголков рта, медленно приподнялся, дважды зевнул и, самостоятельно отыскав среди объедков смутно пригодную чайную чашку, плеснул в нее холодного чая, чтобы прополоскать рот. Лишь после этого он лениво произнес: Ступай и скажи им, что сегодня неблагоприятный день для писем.

Старый слуга возразил: Это не за письмами пришли. Ребенок говорит, что ищет великого героя Бэйчуаня.

Ученый выплюнул весь холодный чай фонтаном. Правой рукой он колотил себя в грудь, до покраснения лица заходясь в хриплом кашле, а левой вытянул дрожащий палец, указывая на старого слугу. Лишь спустя долгое время он перевел дыхание и хриплым от гнева голосом прокричал: Ах ты старик Гу! Специально издеваешься над молодым господином!

В глазах старого слуги промелькнула улыбка, он замахал руками: Молодой господин, не клевете на меня, этот псевдоним вы ведь сами себе придумали.

Ученый вытер рот рукавом и со вздохом изрек: Виной всему легкомысленная юность... Ладно-ладно, пойду взгляну, что за ребенок там объявился.

Он даже не стал переодеваться, лишь взял у старосты Гу горячее полотенце, чтобы протереть лицо и руки, после чего с важным видом направился в гостевую залу переднего двора.

Строго говоря, гостевой залой это назвать было трудно — всю ценную мебель давно распродали, оставив лишь простые стулья и стол из липы, скотнические, но чистые, изготовленные плотником из пригородной деревни.

Войдя, ученый увидел, как на липовом табурете тихо сидит маленький ребенок, красоты столь невероятной, будто он сошел с картины с изображением красавиц.

Выражение его лица было лишено ни радости, ни печали — неподвижное, как сухие горы, и глубокое, словно холодная пучина.

Ученый невольно запнулся на полушаге, нахмутив брови.

Старик Гу недоуменно шепнул: Молодой господин?

Стоя в дверях, ученый молчал, не сводя глаз с ребенка.

Заметив движение, ребенок поднял глаза на вход, и на его лице проступила улыбка: Полагаю, передо мной сам великий герой Бэйчуань? Я давно наслышан о вашем благородном имени. Меня зовут Цзи Чаоань.

Ученый скривился так, будто только что откусил горькую тыкву, прошел в залу, сел, сжал кулаки, пару раз кашлянул и проговорил: Какой еще герой Бэйчуань, зови меня просто Цюй Фу. Зачем пожаловал? Неужто за автографом? Не ожидал, что столь юный отрок способен осилить мои книги.

Цзи Чаоань откровенно ответил: Отец говорил, что книги господина Цюя изобилуют труднопроизносимыми и тяжелыми оборотами, от которых дети засыпают, так что я их еще не читал.

Старик Гу не удержался и прыснул со смеху.

Лицо Цюй Фу поочередно окрашивалось то в красный, то в зеленый цвета. Уставившись на Цзи Чаоаня, он процедил: Тогда зачем ты пришел? Решил поиздеваться над молодым господином?

Цзи Чаоань произнес: Я прошу о встрече с господином Цюем по двум причинам. Первая — хочу приобрести Цинбао.

Цюй Фу прищурился: Молодой господин Цзи, не слушайте всякие глупости. Если вам нужна официальная столичная газета, извольте обратиться на почтовую станцию. Какая еще Цинбао, какая Хунбао? Вперлы слышу.

Цзи Чаоань не стал с ним спорить и продолжил: Вторая причина — у меня есть несколько дел,

для которых мне требуются люди господина Цюя.

Цюй Фу резко поднялся на ноги и возмутился: Чушь собачья! Ты, паршивец, специально пришел поизмываться надо мной? Убирайся, убирайся вон! Старик Гу, проводи гостя!

Однако Цзи Чаоань сидел как ни в чем не бывало и веским голосом произнес: Господин Цюй, не спешите гневаться. Я пришел предложить господину Цюю великое богатство.

Цюй Фу усмехнулся: Какое еще великое богатство? Люди гибнут за богатство, птицы — за корм, и всё это суета низшего сорта. Видеть перед собой лишь презренный металл до отвращения вульгарно.

Цзи Чаоань возразил: Ошибаетесь, господин. Лишь имея деньги, можно прокормить семью...

В глазах Цюя Фу мелькнуло замешательство.

Цзи Чаоань медленно продолжил: Лишь имея деньги... можно открыть книжные лавки по всем Семи Путям Мерети и в четырех государствах Духов.

Глаза Цюя Фу вспыхнули ярким блеском, а старик Гу прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

Цзи Чаоань добавил: И лишь наладив торговые пути повсюду, можно сделать так, чтобы книги великого героя Бэйчуаня и Мэнлана из Юйлина прославились на весь мир.

Старик Гу зашелся в яростном кашле. Лицо Цюй Фу залилось краской, он принялся чесать затылок и пробормотал: Откуда тебе известны оба моих псевдонима... Книги Бэйчуаня еще куда ни шло, их стоит рекомендовать шире, а вот насчет Юйлина лучше бы умолчать.

Цзи Чаоань улыбнулся: Тоже верно. Книги Мэнлана из Юйлина расходятся как горячие пирожки, их тираж обеспечен, так что лучше сосредоточимся на продвижении книг великого героя Бэйчуаня.

Цюй Фу рассуждал о трактатах по истории и толковал каноны под именем героя Бэйчуаня, подвергая жесткой критике текущие события. Он неизменно ссылаясь на древние первоисточники, изъяснялся изысканным, высоким слогом, понятным лишь избранным, и спросом его труды не пользовались. Цзи Лю некогда помог ему издать сотню экземпляров, но из первой сотни не удалось продать даже десятка.

Зато под псевдонимом Мэнлан из Юйлина он писал развлекательные повести о том, как знатный маркиз женится на простушке из деревни или бедный книжник берет в жены дочь премьер-министра. Эти бульварные истории пестрели сценами уличных драк с поножовщиной, перебранками золотов у колодца и прочими непристойными мелочными дрязгами из жизни простого народа. Язык в них был груб, но каждая такая книжка неизменно становилась

бестселлером.

Цюй Фу дорожил своей репутацией и почитал себя великим литератором, так что если бы не крайняя нужда в деньгах, он ни за что не стал бы издаваться под именем Мэнлана из Юйлина.

Услышав это имя прямо в лицо от Цзи Чаоаня, да еще и в сочетании с похвалами, он испытал одновременно смущение, гордость и раздражение, а потому вымолвил: Кто ты такой в конце концов?

Цзи Чаоань ответил: Прежний хозяин лавки Юнчэн — мой покойный отец.

Цюй Фу остолбенел. Окинув мальчика долгим взглядом с головы до ног, он цокнул языком и покачал головой: Не похож. На плохом бамбуке хороший росток — а ты куда красивее своего отца.

Цзи Чаоань горько улыбнулся: Господин Цюй излишне меня хвалит.

Цюй Фу снова опустил на стул и вздохнул: Всё со слов твоего отца? В конце концов, нас связывали партнерские отношения, и раз уж его сын явился за помощью, я не могу отказать... Выкладывай, что у тебя за дело.

Цзи Чаоань сказал: Дело, за которое я берусь, сопряжено с огромным риском, сложностями и требует немало времени, а потому поглотит уйму средств. То самое обещание великого богатства, что я дал господину Цюю, продиктовано и моими собственными интересами — я хочу объединить усилия с вами. Но разве можно разбросаться посулами о несметных богатствах просто так? Словам веры нет, так что у меня ли есть нужная сфера возможностей — лучше пусть господин убедится в этом лично.

Цюй Фу заинтересовался, приподняв брови: И как же мне убедиться?

На лице Цзи Чаоаня появилось задумчивое выражение: Самое заветное желание господина Цюя — писать книги и труды, внося свой вклад в просвещение простого народа. Но расширение сети книжных лавок — дело не быстрое, так что я попрошу господина временно сменить желание на другое, то, которое принесет плоды немедленно. Я немного смыслю в искусстве предсказаний и смогу исполнить его.

Цюй Фу ошеломленно произнес: Чаоань, а ты не боишься, что твое хвастовство обернется катастрофой?

Цзи Чаоань улыбнулся: Господин Цюй, каково же ваше желание?

Цюй Фу ответил: Любое?

Цзи Чаоань подтвердил: До тех пор, пока оно под силу человеку — любое.

Цюй Фу принялся тереть подбородок: Хм... Под силу человеку? Выкупить на ночь всех девиц из павильона Чуньсян?

Цзи Чаоань вздохнул: И это всё? Всего-то и нужно потратить серебро да задействовать связи, какая же в этом сложность?

Тогда Цюй Фу скрестил руки на груди, склонил голову и задумался: Какое еще у меня есть заветное желание? Ну... если не считать книг...

И придумать ничего не смог.

Старик Гу подал голос со стороны: Молодой господин, у меня есть одна идея.

Цюй Фу спросил: Какая еще идея?

Старик Гу произнес: Молодому господину скоро стукнет тридцать, а он до сих пор не женат. Старый слуга чувствует перед покойными господином и госпожой свою вину... Не лучше ли воспользоваться случаем и загадать желание обрести добропорядочную и надежную в житейских делах жену.

Цюй Фу нахмурился: Старик, ты требуешь невозможного.

Однако Цзи Чаоань улыбнулся: А в чем сложность?

Цюй Фу опешил: Чаоань, ты расслышал, о чем речь? Я не прошу тебя нанять любого встречного через маклера или выкупать девушку из увеселительного заведения. Она должна быть и из приличной семьи, и писаной красавицей, и разумной, и сговорчивой...

Старик Гу подхватил: Молодой господин, вы слишком жадны. Надежного нрава будет вполне достаточно.

Цюй Фу закатил глаза и сделал вид, что ничего не слышит.

Но Цзи Чаоань улыбнулся: Позвольте мне попытаться.

Цюй Фу сильно испугался. Ухватившись за руку Цзи Чаоаня, он засуетился: Постой-постой! Хватит тебе, малому, заниматься баловством, разве можно играть судьбой молодого господина?

Цзи Чаоань произнес с суровым лицом: Прошу господина Цюя поверить мне ради памяти

моего отца. Если предсказание сбудется, значит, на то воля небес, и играть здесь никто не собирается.

Цюй Фу поморщился: Не годится, загадай другое! Молодой господин полон сил и свободен, мне вовсе не улыбается быть привязанным какой-то юбкой.

Не успел старик Гу раскрыть рот, как тот категорически добавил: И мужчиной тоже!

Цзи Чаоань легко уступил: Тогда сменим желание, неужто господин совсем не хочет попытаться?

Старик Гу же запротестовал: Менять? Ничего мы менять не будем. Предсказание еще ничему не мешало, решено — слушайте меня. Прошу молодого господина Цзи взять на себя этот труд и погадать.

Цюй Фу взбеленился: Старик Гу! Ты вообще считаешь меня молодым господином?

У старого слуги тут же покраснели глаза, и он всхлипнул: Старый слуга вырастил молодого господина, и, коль позволено будет сказать столь дерзкие слова, всегда любил его как собственного сына. Покойные господин и госпожа ушли слишком рано, и их единственным желанием было, чтобы молодой господин поскорее остепенился, обзавелся семьей и зажил мирной жизнью. Всякий раз, вспоминая, что молодой господин до сих пор не у дел, я теряю сон и аппетит... Но господин упрямо... Ладно уж, старый слуга... старый слуга пойдет просить прощения у покойных господина и госпожи в мире ином!

С этими словами он круто развернулся к выходу, но Цюй Фу в два прыжка настиг его, в отчаянии ухватив за рукав, одновременно раздосадованный и удушаемый досадой: Ладно-ладно, ваша взяла, пусть будет по-вашему!

Стоило старику ухватиться за рукав, как он мгновенно остановился, и все морщинистое лицо его расцвело в улыбке, словно хризантема.

Цюй Фу изливал нерастратенное раздражение: Бессовестный старик! В твоём возрасте вечно грозить смертью — разве не стыдно!

<http://bllate.org/book/21199/2145923>